

0277

ЦЕНТРОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Месса Рэдли

СЕКРЕТ
МОЕЙ ДУШИ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Тесса Рэдли

Секрет моей души

«Центрполиграф»

2011

Рэдли Т.

Секрет моей души / Т. Рэдли — «Центрполиграф»,
2011 — (Любовный роман – Harlequin)

Клеа не видела своего мужа четыре года, но не верила, что он погиб. И лишь после того, как ей отдали его обручальное кольцо, она сдалась. И, как оказалось, совершенно напрасно...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Тесса Рэдди

Секрет моей души

Глава 1

Фотография все и решила. На выходе из международного аэропорта имени Джона Кеннеди Брэнд Ноубл купил газету. В ней сообщалось о торжественном открытии выставки. Но именно фотография Клеа, стоящей рядом с каменной статуей тигра, заставила его сердце замереть на мгновение.

Четыре года прошло с тех пор, как он последний раз видел свою жену. Она стала еще красивее – темные блестящие волосы и все так же широко распахнутые зеленые глаза.

У Брэнда не было приглашения, но разве он позволит такой мелочи помешать ему? Он и так ждал достаточно.

И вот два часа спустя Брэнд захлопнул дверцу такси на Манхэттене. Повернувшись спиной к будничной суете спешащих после работы домой ньюйоркцев, он сосредоточил внимание на Музее античного искусства, возвышавшемся впереди.

Клеа была там...

Вход преграждал огромный охранник в форме, больше похожий на шкаф. Под его испытующим взглядом Брэнд вспомнил: несмотря на его нетерпение увидеть Клеа, ему надо еще надеть взятый напрокат смокинг, перекинутый через левую руку.

Брэнд горько усмехнулся. Что бы этот человек подумал о потрепанной солдатской форме, которую ему пришлось носить почти четыре года?

Ускорив шаг, Брэнд направился к стеклянным дверям, натягивая на ходу смокинг. Он расправил воротник, пригладил атласные отвороты огрубевшими, покрытыми шрамами пальцами. Пока охранник проверял приглашения впереди стоящих людей, Брэнд увязался за идущими в хвосте. К его облегчению, охранник подал ему знак рукой проходить вместе с остальными.

С первым препятствием покончено.

А теперь надо найти Клеа...

Брэнду бы понравился тигр.

Как всегда, вид этой каменной фигуры заставил Клеа замереть. Гул голосов и позвякивание бокалов с шампанским затихли, когда она созерцала впечатляющее животное. Сдержанная мощь каменной статуи, искусно изготовленной шумерским резчиком, странным образом действовала на нее на каком-то первобытном уровне.

Брэнду статуя точно бы понравилась. Именно такой была ее первая мысль, когда полтора года назад Клеа увидела этого представителя кошачьих. Она была просто обязана заполучить древнюю статую! Потребовалось много усилий, чтобы убедить Алана Дейли, главного куратора музея, и комитет по закупкам приобрести ее. Финансовые затраты оказались значительными, но статуя в итоге стала любимицей посетителей.

А для Клеа статуя была неразрывно связана с Брэндом и служила ежедневным напоминанием о ее муже. Ее покойном муже.

– Клеа?

Голос, прервавший ее мысли, звучал намного мягче, чем резкий, чуть хрипловатый голос Брэнда. Это не Брэнд, Гарри...

Брэнд мертв. Брошен без почестей в какую-то братскую могилу в жаркой засушливой пустыне в Ираке. Годы нескончаемых вопросов, отчаянных молитв и ежедневных проблес-

ков надежды наконец закончились. Закончились безоговорочно, самым неприятным образом девять месяцев назад.

Но она никогда его не забудет! Клеа поклялась себе в этом.

Решительно смахнув пелену печали, она убрала прядку волос с лица и повернулась к деловому партнеру ее отца и своему старому другу:

– Да, Гарри?

Гарри Холл-Льюис положил руки ей на плечи и пристально посмотрел на нее:

– Да? Я так долго ждал, когда ты это скажешь.

От его игривого тона Клеа закатила глаза. Как же она хотела, чтобы он наконец и сам устал от своей шутки! Все началось еще двадцать лет назад, когда родители решили их поженить.

– Не сейчас, Гарри.

В этот момент у нее зазвонил телефон. С облегчением Клеа вытащила мобильник из сумочки:

– Это папа.

Являясь председателем попечительского совета музея, Доналд Томлинсон проводил для потенциальных спонсоров частную экскурсию по выставке.

Поговорив некоторое время с отцом, Клеа положила трубку и сказала Гарри:

– Экскурсия закончилась. И да, папа получил дополнительное финансирование. Он хочет, чтобы мы к нему присоединились.

– Ты меняешь тему.

Гарри сжал ее обнаженные плечи, тем самым заставив Клеа почувствовать, насколько открыт лиф ее доходящего до пола платья. Впрочем, когда Гарри, усмехнувшись, выпустил Клеа из дружеских объятий, неловкость прошла.

– Когда-нибудь мне удастся убедить тебя выйти за меня замуж. И в тот день ты поймешь, чего тебе так не хватало, от чего ты отказывалась, что упускала и не замечала все эти годы.

Клеа сделала шаг назад:

– О, Гарри, эта шутка перестала быть смешной уже давно.

Его лицо помрачнело.

– Неужели мысль о том, чтобы выйти за меня, настолько тебе неприятна?

При виде его несчастного выражения лица Клеа почувствовала себя виноватой. Они выросли вместе. Их отцы были лучшими друзьями. Гарри всегда был для нее как брат. Почему же он не может понять простую вещь? Ей нужно, чтобы он им и оставался, а не превращался в мужа.

Нежно дотронувшись до рукава его сшитого на заказ пиджака, Клеа сказала:

– О, Гарри, ты мой лучший друг, я тебя очень люблю...

– Чувствую, сейчас будет какое-то но.

В мерцающем свете люстр его глаза приобрели странный блеск. Несмотря на свою беспечность, Гарри всегда отличался проницательностью. И он был прав: было одно но. Большое, высокое, темноволосое, разрывающее душу своим отсутствием.

Брэнд...

Любовь всей ее жизни... Никем не заменимая.

Горе создало безнадежную пустоту в ее жизни и выкачало всю радость. Как же она по нему тоскует!

Клеа отмахнулась от мыслей, которые обычно вызывали неутолимую боль, и сосредоточила внимание на Гарри:

– Просто я еще не готова к новому замужеству.

Она сомневалась, что вообще когда-нибудь будет готова.

– Ты же не лелеешь до сих пор надежду, будто он все еще жив?

Слова Гарри вызвали бешеный гул в голове, который месяцами заставлял ее приготовиться к боли, от которой она так старательно пыталась отгородиться. Усталость и тоска овладели ею. Клеа сразу же захотела оказаться дома, одной в спальне, которую когда-то делила с Брэндом, в их постели...

Знакомая боль утраты новой волной захлестнула ее.

Убрав руку с рукава Гарри, Клеа прижала ее к животу и сказала тонким высоким голосом:

– Сейчас не самое подходящее время для подобного разговора.

Гарри поймал ее руку и тихо сказал:

– Клеа, за последние девять месяцев, с тех пор как ты получила подтверждение, что Брэнд мертв, ты ни разу не захотела о нем поговорить.

Она вздрогнула от напоминания о том ужасном дне.

– Я знаю, ты сделала все, чтобы найти его. Ты до последнего не теряла надежды на то, что Брэнд жив. Но это не так. Он мертв, и, возможно, уже более четырех лет – как бы ты ни старалась это отрицать! Ты должна смириться.

– Я знаю, что он... – ее голос дрогнул, – мертв.

Плечи Клеа поникли, и нежный шелк платья цвета морской волны – такого же, как и глаза Брэнда, – собрался в складки. Она вздрогнула, внезапно почувствовав озноб, несмотря на теплый летний вечер.

Впервые она признала вслух, что ее муж мертв...

Она так долго продолжала надеяться. Молилась. Поддерживала пламя веры глубоко в сердце, в том священном месте, до которого удалось дотронуться только Брэнду. Клеа даже убедилась: если бы Брэнд умер, часть ее души погибла бы вместе с ним. Так на протяжении месяцев – нет, лет! – ожидания она упорно отказывалась уничтожить последний проблеск надежды. Даже тогда, когда ее отец и друзья убеждали ее посмотреть правде в глаза: Брэнд не вернется.

Гарри заговорил, прервав ее мысли:

– Ну, признание его смерти – уже значительный шаг вперед.

– Гарри...

– Послушай, я знаю, тебе пришлось нелегко. Первые дни, полные неизвестности... – Гарри покачал головой. – А затем выяснилось, что Брэнд уехал в Багдад с другой женщиной...

– Может, я и ошибалась, считая, что Брэнд еще жив, – яростно перебила Клеа, – но у Брэнда не было романа с Анитой Фримен! И мне плевать, что говорят ваши частные детективы!

Как стерпеть, что память о Брэнде до сих пор поливают грязью?

– Но твой отец...

– Меня не волнует, что думает папа. Я решительно отказываюсь этому верить. Кроме того, мы оба знаем: папа недолюбливал Брэнда. Закроем тему. – Она замаялась. – Брэнд и Анита были просто коллегами.

– Коллегами? – переспросил Гарри двусмысленным тоном.

– Ладно, они встречались некоторое время. Но это было до того, как он познакомился со мной.

Как же Клеа ненавидела это! То, как сплетни оскверняли связывавшую их любовь.

– Может, Брэнд просто хотел, чтобы ты так думала. Детективы нашли подтверждение, что они жили вместе в Лондоне более года – до того как вы встретились. Черт, да это даже дольше, чем длился ваш брак! Почему он никогда об этом не упоминал? Твой муж погиб в автокатастрофе с женщиной в пустыне Ирака. Хватит себя обманывать!

Клеа осмотрелась, чтобы удостовериться, что поблизости не было никого, кто мог бы их подслушать. Слава богу. Она подошла ближе и тихо сказала:

– Они не жили вместе – Брэнд рассказал бы мне. Отношения длились недолго. Они поддерживали связь только из-за работы. Брэнд был специалистом по древней истории, Анита – археологом. Конечно, им приходилось видеться.

– Но ты никогда не узнаешь наверняка. Потому что Брэнд даже не сказал тебе, что собирается в Ирак.

Не в силах больше спорить с Гарри, Клеа выпрямилась:

– Я не собираюсь анализировать причины произошедшего.

Ее муж мертв. Убеждение Клеа, что он до сих пор где-то там – раненый, возможно, страдающий от потери памяти, ждущий, когда его найдут, – было ошибочным.

Но тогда все считали: она сошла с ума, продолжая надеяться. Свидетельств, что он мертв, становилось все больше. В пустыне нашли сгоревший остов взятого Брэндом напрокат автомобиля, а жители близлежащей деревни подтвердили, что захоронили обгоревшие останки мужчины и женщины в местной братской могиле.

Но Клеа требовала доказательств, что это был именно Брэнд, а не кто-либо еще. Ни тот факт, что никто ничего не слышал о нем с тех пор, как он пропал, ни то, что его банковские счета остались нетронутыми, не могли сокрушить ее надежды.

Но девять месяцев спустя, после нескольких лет теплящейся надежды, Клеа получила доказательство, которое ее ужаснуло.

Обручальное кольцо Брэнда. Снятое с одного из трупов одним из хоронивших и затем внезапно появившееся в лавке ростовщика на местном деревенском рынке.

Брэнд никогда бы не снял кольцо. Никогда!

Оставалось только посмотреть правде в глаза: Брэнд погиб в той автокатастрофе в пустыне. Он не вернется. Ее любимый муж мертв.

Клеа оставалось лишь завершить все формальности.

Суд рассмотрел то, что ее отец, детективы и юристы хладнокровно называли «фактами», и вынес решение, подтверждающее смерть Брэнда, а затем постановил выдать свидетельство о смерти.

В тот день, когда Клеа получила это свидетельство, ее сердце разбилось на мелкие осколки.

На глаза навернулись слезы, и хорошо знакомые черты лица Гарри превратились в расплывшееся пятно.

– Ну вот, я тебя расстроил. – Гарри стал выглядеть еще несчастнее. – Я не хотел...

– Дело не в тебе. – Клеа зажмурилась. Как она могла объяснить, что теперь каждая мелочь доводила ее до слез? Доктор сказал, это нормально, пройдет. – Дело во мне. Просто столько всего навалилось...

Эта фраза заставила Гарри поспешно сделать шаг назад.

Пригладив обшлаг его пиджака, Клеа слабо улыбнулась:

– Все в порядке. Обещаю, я не собираюсь выплакать все глаза.

Гарри быстро осмотрелся по сторонам, затем сказал игриво:

– Можешь плакаться мне в жилетку, когда пожелаешь.

В горле появился комок.

– Хватит с меня слез. Теперь я знаю – Брэнд мертв. Я знаю, что должна двигаться дальше. Все будет хорошо. – Если бы Клеа повторяла себе такие слова чаще, когда-нибудь она смогла бы поверить в это. Более того, Клеа добавила: – И теперь у меня есть ради чего жить.

– Клеа, если я тебе понадоблюсь...

Несмотря на смелое заявление, Гарри выглядел весьма встревоженным: она может расклеиться здесь, на виду у нью-йоркского высшего общества.

Клеа не смогла сдержать улыбки:

– Спасибо, Гарри. Ты лучший. На лице Гарри отразилось облегчение.

– Для чего еще нужны друзья?

Брэнд остановился в фойе Музея античного искусства и осмотрелся. Все сильно изменилось с тех пор, как он был здесь последний раз...

Старомодную черно-белую плитку заменили блестящим белым мрамором. Впечатляющая изогнутая лестница, украшенная бронзовыми перилами, поднималась вверх на том месте, где когда-то были скрипучие деревянные ступеньки, покрытые потертым ковром горчичного цвета. Справа от лестницы стояла великолепная, увековеченная в бронзе богиня. По венку из кукурузы, который был на ней, Брэнд догадался: перед ним Инанна, древняя месопотамская богиня любви, плодородия и войны.

Темный старомодный холл превратился в изысканное место – именно такое, как Клеа нарисовала одним зимним вечером, когда они сидели дома возле камина. Брэнд слушал, а она делилась с ним своим видением того, как музей станет самой потрясающей коллекцией античных сокровищ в Нью-Йорке.

Почувствовав прилив гордости, Брэнд медленно двинулся вперед.

Его жена, несомненно, воплотила в жизнь то, о чем когда-то только мечтала. Музей больше не был старомодным пристанищем ученых и страстных любителей искусства. Теперь он превратился в процветающее место – такое, каким Клеа его себе и представляла.

У подножия лестницы официант в белом костюме разносил коктейли группе женщин в дизайнерских платьях и на высоких каблуках. В воздухе витал возбужденный шепот.

Брэнд внимательно осмотрел группу.

Клеа не было. Позади модниц он заметил группу мужчин. Облаченные в черные костюмы, они стояли под бронзовой статуей Инанны.

Где же его жена?

Сердце бешено стучало. Брэнд двинулся вперед. Когда он проходил под позолоченной люстрой, ее переливающиеся кристаллы рассыпали блики света по куполообразному своду потолка. Он направился к шикарной лестнице, ведущей на второй этаж, в верхние галереи. Брэнд не мог дождаться, когда увидит потрясающие зеленые глаза Клеа, светящиеся безудержной радостью при виде его, когда дотронется до нее, почувствует нежное тепло...

Как же он мечтал об этом!

Его жена. Его любимая. Его путеводная звезда. Каждая минута вдали от нее убивала его...

Поднявшись по лестнице, Брэнд остановился. В длинной галерее было много людей. Блеск драгоценностей и буйство цвета ослепляли. Он поборол неожиданно накативший приступ клаустрофобии, когда толпа окружила его.

Возможно, ему стоило позвонить заранее, предупредить, что он возвращается домой...

Но, проделав долгий и опасный путь через горы на границе Северного Ирака, Брэнд не хотел рисковать при возвращении в США. Ведь его все еще могут арестовать за фальшивый паспорт. К тому же в нем притаился безрассудный страх, что звонок Клеа может все сплести.

Уже слишком поздно идти на попятную.

Брэнд внимательно осмотрел толпу, набившуюся между выставочными витринами с бесценными античными сокровищами и столами, ломящимися от разнообразных закусок. Все еще никаких следов женщины, которую он ищет.

Он проскользнул мимо трех сплетничающих пожилых дам. Затем поймал взгляд чьих-то сильно накрашенных глаз и увидел в них изумление.

Марша Мерсер. Брэнд вспомнил, что раньше она вела влиятельную колонку светской хроники. Возможно, до сих пор ведет.

– Брэнд... Брэнд Ноубл?!

Он кивнул в ее сторону в знак подтверждения, а затем решительно двинулся дальше, не обращая внимания на повернутые к нему головы и начавшееся перешептывание, которое последовало вслед за этим.

И тогда он увидел ее.

Какофония нарастающих голосов постепенно затихла. Была только Клеа...

Она улыбалась.

Уголки губ приподняты, глаза сверкали. Блестящее бальное платье облегалo ее фигуру. Руки были обнажены, не считая золотого браслета, который мерцал в свете роскошной люстры, а на левой руке блестело обручальное кольцо, которое он ей подарил.

Брэнд набрал воздуха в легкие.

На мгновение ему показалось, что она отрезала пышные локоны, которые он так любил. Но когда Клеа повернула голову, Брэнд мельком увидел заколотые сзади пряди волос, ниспадавшие на спину. Он выдохнул с судорожным стоном. Она выглядела такой полной жизни, энергичной и сногшибательно красивой!

Его охватило желание, грудь разрывало от боли.

Клеа протянула руку и коснулась чьего-то пиджака. Взгляд Брэнда последовал за ее рукой. Увидев мужчину с рыжеватыми волосами, Брэнд зло сощурился. Значит, Гарри Холл-Льюис все еще присутствовал в ее жизни. Когда Клеа откинула голову и направила всю мощь своей улыбки на этого мужчину, Брэнду захотелось прижать ее к себе, обнять и никогда не отпускать.

«Моя...»

Его тело откликнулось бурей эмоций.

– Шампанского, сэр?

Вопрос официанта отвлек его от Клеа.

Дрожащими руками Брэнд взял бокал с подноса, глотнул золотистой жидкости, чтобы смочить пересохшее горло. Затем он поставил пустой бокал обратно и перевел дух.

Он вернулся к жизни и не собирался существовать вдали от женщины, чья улыбка вытаскивала его из тьмы.

Нельзя было терять ни минуты.

Однако, когда он снова бросил взгляд в сторону Клеа, ни ее, ни Гарри там уже не было.

Обменявшись парой слов с отцом возле египетского зала, Клеа скользнула за высокую колонну. Тем временем Гарри пробирался сквозь толпу, чтобы принести ей выпить. Прислонившись к прохладной колонне, она закрыла глаза. Если бы отец увидел ее, он бы наверняка прочел лекцию о служебных обязанностях, о важности налаживания связей, о появлении перед телекамерами. Клеа поморщилась. Конечно, он прав. Но ей нужно было немного побыть одной. У нее нет настроения для светских бесед, и нарастающий шепот заставлял скрытое напряжение внутри ее выйти из-под контроля.

– Клеа...

Этот голос...

Затаив дыхание, она прошептала:

– Брэнд?.. Не может быть! Она зажмурилась, не веря своим ушам: Брэнд мертв!

Мужчина, направлявшийся к ней, был высоким, темноволосым и живее всех живых.

Призрак из прошлого.

Ее бросило в жар, затем мгновенно словно окатило ледяной волной. Этот мужчина был точной копией ее погибшего мужа – человека, которого она официально признала мертвым лишь восемь месяцев назад, спустя месяц после того, как ей вернули его кольцо.

Как жестоко... Брэнда не стало. Навсегда...

Разве она не провела эти девять месяцев, пытаясь смириться с последним доказательством его смерти, после почти четырех лет ужасной неизвестности?

Кровь бросилась ей в голову. Внезапно стало душно.

Клеа не могла дышать. Ее отец никогда не простит, если ее стошнит на мраморный пол – при таком количестве репортеров, готовых запечатлеть этот момент.

– Клеа!

Руки, опустившиеся ей на плечи, были такими знакомыми... и в то же время до боли чужими. Она затрясла головой, сопротивляясь обволакивающему ее ледяному туману. Брэнд мертв! Но пальцы, сжимающие ее плечо, были теплыми, сильными и полными жизни.

Это не призрак. Это живой человек. Человек, которого она знала очень хорошо.

– Только не падай в обморок, – предупредил он глубоким, чуть хрипловатым голосом.

– Не упаду. – Клеа никогда в жизни не падала в обморок. – Ты же погиб! – Она судорожно вздохнула и бессильно добавила: – Но ты вернулся.

Клеа!

Необузданное, обжигающее желание, которое Брэнд не испытывал уже более тысячи ночей, овладело им. Он прижал к себе женщину, о которой мечтал каждый день и каждую ночь, вдыхая аромат из пьянящей смеси меда и жасмина. Закрыв глаза, он сделал глубокий вдох. Ее тепло и аромат захлестнули его.

Ее плечи были тоньше, чем он помнил, тело – более хрупким, кожа – все такой же нежной.

– Ты похудела.

Она напряглась от его прикосновений:

– Возможно.

Брэнд зарылся лицом ей в волосы, чувства железными тисками сдавили его грудь.

– Я скучал по тебе, – вздохнул он, – так сильно...

Без Клеа внутри его была лишь пустота. Его руки сжались вокруг ее стройной фигуры, слова лились потоком.

– Брэнд, я тебя не слышу. – Клеа немного отстранилась. – Здесь слишком шумно, давай найдем местечко потише.

Она выскользнула из его объятий, и Брэнда тут же переполнило чувство потери. Клеа протянула руку:

– Идем.

Он взял ее за руку – тонкая связь, пугающе хрупкая.

Она настойчиво тянула его за собой, протискиваясь сквозь толпу уставившихся на них людей, пока они не вышли в коридор. Клеа остановилась перед стеклянной стеной со стеклянными же дверями. Отпустив его руку, она залезла в сумочку на тонкой цепочке и вытащила магнитную карточку, которой провела по электронному замку. Двери открылись, и Брэнд последовал за ней.

– Мой офис недалеко.

Брэнд остановился:

– Раньше он был внизу, в подвале.

Она подняла подбородок в характерной для нее манере, и его сердце сжалось.

– Моя карьера пошла в гору, – сказала Клеа, ее взгляд жадно скользил по его лицу, – но сейчас важнее я сама.

Клеа нажала кнопку выключателя на стене, и комнату залил свет, поймав забытый изысканный отблеск меди на ее длинных темных локонах.

Похоть сдавила его горло.

Черт, как же ему ее не хватало! Не хватало разговоров с ней. Ее прикосновений. Но больше всего ему не хватало ее любви...

Клеа...

В один миг Брэнд сократил расстояние между ними и заключил ее в объятия.

Он не мог насытиться ее прикосновениями, не мог поверить, что она здесь, в его объятиях. И это не видение, которое исчезнет вместе с его сном, чуть забрезжит рассвет на бесконечном пустом горизонте. Наклонив голову, он прижался к ее губам.

Она удивленно ахнула и спустя мгновение растаяла в его объятиях.

Сладость ее губ пробудила в нем еще большее желание.

Он скользил дрожащими пальцами по изгибу ее спины, его руки поднимались выше... выше, пока пальцы не зарылись в мягкие, блестящие, собранные в прическу локоны.

Брэнд прижался к ее груди и почувствовал: она стала заметно больше, несмотря на неудобу Клеа. Клеа всегда расстраивалась из-за недостатка форм, но сейчас она была, несомненно, намного сексуальнее.

Еще одна перемена...

Руки Брэнда скользнули по ее животу, тоже пополневшему. Любопытно, учитывая неудобу плеч. Его руки остановились, и Брэнд почувствовал, как она замерла.

Кровь застучала у него в висках. Он никак не мог осознать того, что говорили ему его ощущения.

Нет!

Первой реакцией было отрицание.

Подняв голову, Брэнд осуждающе посмотрел в ее испуганные зеленые глаза:

– Ты беременна!

Глава 2

Клеа сразу поняла, как это, должно быть, выглядит.

– Это не то, что ты думаешь, – сказала она быстро, протянув руки, чтобы взять в ладони лицо Брэнда. – Помнишь, как мы...

– Я смотрю, быстро ты нашла мне замену. – Брэнд напрягся, его челюсти сжимались и разжимались под ее ладонями, он сердито прищурился.

В кабинете воцарилась тишина. Клеа уставилась на него в полном недоумении. Весь ужас того, в чем он ее обвинял, наконец начал доходить до нее.

Не было никого другого...

– Я не...

– Заткнись! – прорычал он.

– Подожди... – Голос Клеа затих, когда его руки схватили ее запястья.

Брэнд с силой оторвал ее руки от своего лица, буравя Клеа взглядом глубоких, как океан, глаз.

– Быстро ты оправилась после моей смерти...

Под гнетом его несправедливых слов она отступила назад, чуть не споткнувшись о кресло для посетителей, стоящее перед ее столом. Ноги Клеа подкосились, и она без сил опустилась на обитое черной кожей сиденье.

Как Брэнд вообще мог такое подумать? Особенно учитывая, что она ни на секунду в нем не усомнилась.

...Спустя пять дней после их последнего телефонного разговора и неудачных попыток связаться с Брэндом, Клеа забила тревогу. Прошло еще тринадцать дней, прежде чем официально сообщили, что Брэнд покинул Грецию. Он въехал на территорию Ирака более двух недель назад через границу с Кувейтом и зарегистрировался в старом багдадском отеле, который когда-то был любимым местом встреч иностранных бизнесменов. Несколькими днями позже он выехал из отеля. Но никто не знал, куда он отправился.

Оставалось только ждать. Но время шло, а Брэнд все не выходил на связь.

А затем в ее офисе появились мужчины в черных костюмах. Клеа попыталась убедить их: нет ничего подозрительного в том, что ее муж поехал в Ирак. В конце концов, Брэнд зарабатывал себе на жизнь торговлей древностями, любовь к которым появилась у него во время службы в элитных войсках специальной авиадесантной службы Австралии в Ираке. Но было унижительно признавать: он не сказал жене о том, что собирается туда поехать. Поэтому Клеа решила не рассказывать этим людям о ссоре, которая произошла между ними во время их последнего разговора.

После того как призрачные люди в черных костюмах ушли, Клеа по совету отца и благодаря его широким связям наняла детективов, чтобы найти пропавшего мужа.

Она не переставала думать о нем ни на минуту. И двое одинаковых часов на стене ее кабинета были тому подтверждением – одни показывали время в Америке, другие – в Багдаде. Клеа постоянно думала о том, чем он занимается в данную минуту. Она хотела, чтобы ее муж вернулся. Хотела знать причину его исчезновения. Настоящую причину. Не предположение, что он бросил ее ради другой женщины. А ведь именно к такому выводу сначала пришли детективы. Новость о том, что в пустыне найден сгоревший внедорожник, испугала Клеа. Но она упрямо цеплялась за собственное убеждение: если бы Брэнд был мертв, она бы почувствовала это сердцем.

Клеа требовала неопровержимых доказательств.

И лишь когда девять месяцев назад ей принесли его обручальное кольцо, мечты Клеа рассыпались в прах, надежды сгорели дотла.

Идея завести ребенка стала ее спасательным тросом в пучине горя. Беременность вернула ее к жизни. И пусть не к той, которую она мечтала разделить с Брэндом... Но все же такая жизнь была лучше, чем погружение в завладевшие ею отчаяние и безнадежность...

И вот сейчас Брэнд стоит перед ней и обвиняет в том, что она его забыла! Вместо того чтобы обнять, он ведет себя как самая настоящая сволочь. И он не собирается ее выслушать!

Клеа затрясла головой, чтобы прояснить мысли, прижала руки к животу в защищающем жесте.

Брэнд засмеялся – раздался резкий, скрипучий звук, который она никогда не слышала раньше.

– Нечего больше сказать? Как ты, наверное, расстроилась, что я оказался жив. – Взгляд синих глаз превратился в лед.

Клеа сползла в кресле еще ниже, все ее тело ныло от боли. Неужели Брэнд страдал так же сильно, как она?

– Я могу объяснить...

Брэнд отшатнулся:

– Мне не нужны твои объяснения!

Он посмотрел на Клеа с высоты своего роста, и от его взгляда сверху вниз по ее телу пробежал холодок.

– Несложно догадаться, что произошло. – Уголок его рта приподнялся. – Ну и кто же этот счастливчик?

– Может, ты перестанешь меня перебивать? – Ее голос повысился. – Судорожно втянув воздух, она смягчила тон: – Мы всегда говорили о том, чтобы создать семью...

– Нашу семью. – Брэнд многозначительно разглядывал ее укрытый шелком платья живот, который она обхватила руками. – Без чужих детей.

– Брэнд, подожди! – Клеа встала и потянулась к нему, но под его холодным взглядом ее руки безвольно упали. – Пожалуйста, послушай...

– Какой смысл слушать? – В его ледяном взгляде было презрение и что-то еще...

Разочарование?

Его недоверие причиняло Клеа боль. Она заслужила возможность все объяснить. Может, у Брэнда и была не самая лучшая репутация, но он любил ее.

А любил ли?..

Впервые у нее проскользнула тень сомнения. Клеа застыла. Она всегда думала: только что-то ужасное могло заставить его отсутствовать так долго. Страшная авария. Потеря памяти. Травма, настолько ужасная, что он не хотел, чтобы она видела его в таком состоянии.

И вот он стоит перед ней – настолько привлекательный в смокинге и черной рубашке, что захватывало дух. Его фигура выглядела еще лучше, чем четыре года назад. На загорелом лице ярко выделялись синие глаза. От него веяло безрассудной опасностью, и сердце Клеа забилось быстрее...

Конечно, он уже не был тем Брэндом, которого она поцеловала на прощание в аэропорту, но здоровье он явно сохранил.

Не отрывая от него взгляда, она сбросила тесные туфли с отекавших ног.

– Так почему ты не сказал мне, что собираешься в Багдад? – спросила она с вызовом.

Брэнд уставился на нее.

А сердце Аниты Фримен тоже билось быстрее при виде его?

– Ответь!

Тишина. Он даже не моргнул, просто продолжал смотреть на нее.

– Я ждала...

На этих словах он иронически поднял бровь:

– Ждала? Неужели?

– Да! Ждала! – Клеа отбросила прядь волос с лица. – Последний раз мы разговаривали, когда ты был в Лондоне и собирался ехать в Грецию. Мы даже поссорились из-за этого. Помнишь?

Она хотела поменять свое расписание и попросила Брэнда подождать, пока она к нему присоединится. Он отказался и велел ей оставаться дома. Конечно, Клеа не была в восторге оттого, что от нее так бесцеремонно отделались. Уже не в первый раз Брэнд принимал за нее решение. Она тогда рассердилась. Он позвонил ей еще раз из Афин – их разговор вышел натянутым и коротким. Перед тем как положить трубку, Брэнд сказал ей, что любит ее.

С тех пор они больше не разговаривали.

– Ты никогда не говорил мне, что собираешься в Ирак.

Его взгляд не дрогнул.

– Я не хотел тебя волновать.

Неужели объяснение было таким простым? Или деловая поездка в Грецию была всего лишь прикрытием для романа с другой женщиной? Может, первая версия детektivов, поддержанная ее отцом и Гарри, все-таки верна?

Единственным звуком в кабинете было тиканье двух часов на стене.

Клеа первой нарушила тишину:

– Это все? Это и есть та причина, по которой ты об этом не упоминал?

Если бы она не смотрела на него так внимательно, от нее мог бы ускользнуть его взгляд в сторону.

Брэнд не говорил ей правду. Или, по крайней мере, не всю правду.

Молчание тянулось, и Клеа вновь не выдержала:

– Разве беспокойство о том, что тебя могут искалечить, похитить или даже убить, не нормальная реакция на сообщение о Багдаде?

Он пожал плечами, это движение на мгновение отвлекло ее внимание от лица.

– Я служил там, – сказал он. – Я знал местность, оценивал риск.

Она была разочарована, и в ее словах послышался нескрываемый сарказм:

– Ладно, может, все эти опасности и не беспокоят таких суперменов, как ты, но они определенно волнуют меня.

– Именно поэтому я тебе ничего и не сказал – у меня не было времени тебя успокаивать.

Словно какого-то приставучего и капризного ребенка!

Итак, Брэнд врет ей! Клеа была в этом уверена. Его лицо ничего не выражало, и он снова отвел взгляд в сторону.

– Что же такое важное случилось, что ты уехал, даже не обсудив это со мной? И почему после этого ты не выходил на связь? Прошло столько лет! Ведь ты же не был все это время в Багдаде?

Он продолжал пристально смотреть на нее, поджав губы.

Клеа не сдавалась:

– Ты был на каком-то секретном задании?

Брэнд рассмеялся. Однако она не могла выкинуть из головы людей в черных костюмах, которые появились у нее после исчезновения мужа.

– Я не участвовал в военной операции.

И все-таки она заслуживала знать правду! Глубоко вздохнув, Клеа сказала:

– Скажи, где ты был, и я подумаю насчет того, чтобы объяснить тебе все про ребенка...

Конечно, если ты не будешь меня перебивать, пока я не закончу.

– Мне не нужны твои условия – так же как и объяснения, – процедил он сквозь зубы. – Я прекрасно понимаю, что произошло.

Может, Брэнду и не нужны были объяснения, но ей, черт побери, они необходимы!

– Дай-ка угадаю, где ты был. Нежился на солнышке на берегу Средиземного моря? Общался с Ага-ханом?

Спал с другой женщиной?

Клеа очень боялась, что его ответ озвучит ее подозрения. Но возможно ли, что ее отец и детективы правы? Что у Брэнда был роман на стороне? Неужели все эти четыре года он жил со своей любовницей? Лицо Брэнда напряглось.

– Ты стала остра на язычок.

– Так это моя вина? Клеа закрыла глаза. Зачем она ссорится с Брэндом?

Она хотела не этого. На нее нахлынула волна раскаяния, и Клеа помотала головой, чтобы привести в порядок мысли и успокоиться. Как все так быстро пошло наперекосяк? Это же Брэнд! Она любит его и всегда ему доверяла. Она ждала его возвращения каждый день. Каждую ночь. Но сейчас, когда он вернулся, ей было настолько больно, что у нее начали зарождаться сомнения... Они должны это прекратить!

– Извини, я не хотела вести себя как мегера.

Выражение его лица не смягчилось. Клеа отчаянно хотела, чтобы Брэнд признался: он был ранен, лежал в госпитале, временно потерял память... Ну хоть что-нибудь!

Гнетущее молчание.

Она все еще ждала, сжав кулаки, пульс громко отдавался в ушах. Ждала объяснений, где он был, почему так долго отсутствовал.

Но Брэнд не собирался ничего объяснять.

– Брэнд... – Клеа поднялась с кресла и сделала несколько шагов к нему.

Встав на цыпочки, она подняла руки и положила ему на плечи, пытаясь установить контакт.

Внезапно она ощутила жгучее желание в низу живота.

Закрыв глаза, Клеа прижалась к Брэнду. Тепло его большого тела постепенно проникало в нее, возвращая к жизни заледеневшее сердце. В какую-то минуту Клеа даже почти посмела надеяться, что их тела смогут сократить пропасть, возникшую между ними.

И как только ее губы коснулись его подбородка, Брэнд вырвался из объятий Клеа. Отойдя от нее на пару метров, он остановился у двери, тяжело дыша, его глаза блстели.

– Какого черта с тобой происходит? – Клеа старалась вообще не ругаться, но сила, с которой он вырвался, ее обидела.

– Ты еще спрашиваешь?!

Ее мысли перенесли к ребенку. Она беременна, а не заразна. Ее положение должно стать ее спасением.

– Да!

– Какая, черт возьми, разница, что со мной? – Его голос звучал ровно и холодно. – Что бы ни было между нами раньше – все прошло.

– Прошло? – Ее сердце сжалось. Забыв о своем решении держаться на расстоянии, Клеа подошла ближе. – Брэнд! Ты же не...

– Да, прошло. – Он словно пытал ее взглядом своих синих, как океан, глаз. Но на этот раз, вместо того чтобы зажечь в ней чувственный огонь, он заморозил ее.

– Прошло много времени. Слишком много, я полагаю, чтобы между нами все осталось как прежде.

Клеа пронзила острая боль. Ее мир рушился, пока она пыталась привести свои беспорядочные мысли хоть в какой-то порядок. Изменил ли ей Брэнд? Неужели он вернулся, только чтобы попросить развод?

Леденящая пустота заполнила ее. Клеа начала осознавать, что ее слепая вера Брэнду была ужасно наивной.

– Ты жил с Анитой Фримен? – выпалила она не задумываясь.

– Какое это вообще имеет отношение к нашему разговору?

– Ты с ней встречался.

Он стоял, не двигаясь.

– Некоторое время.

– Не долго?

– К чему эти вопросы о том, что закончилось еще до того, как мы встретились?

Мозг Клеа не мог больше осилить поступавшую информацию. Брэнд уходил от ответа. Он не хотел, чтобы она ехала с ним в Грецию. Не посоветовавшись, уехал в Ирак. Анита была с ним и там, и там. В Афинах их сфотографировали вместе, а свидетели, с которыми разговаривали детективы, утверждали, что видели их вместе в Багдаде. Парочка казалась неразлучной.

Последними словами Брэнда, которые слышала Клеа, было признание в любви, но она не сказала того же в ответ. Тогда она злилась на него, ведь он отказался от возможности провести с ней незабываемое время в Греции.

Было ли то признание в любви продиктовано чувством вины?

– Я хочу знать, жил ли ты когда-нибудь с Анитой?

Его рот скривился. Он даже не попытался ничего отрицать. Последняя ниточка надежды, за которую Клеа неосознанно цеплялась, порвалась.

– Кто тебе рассказал, что я жил с Анитой? – Голос Брэнда прорвался в ее мысли.

– Какая разница? Судя по твоей реакции, это правда. И зачем было убеждать меня в том, что все закончилось через пару свиданий? Ты обманул меня!

– И в отместку ты мне изменила и забеременела?

Рот Клеа открылся от возмущения.

– Ты имеешь наглость заявляться сюда после четырехлетнего отсутствия и обвинять меня в измене?!

– Ты беременна, – огрызнулся Брэнд, – и не я провел с тобой те страстные часы, когда был зачат ребенок.

Из-за его резких слов на ее глаза навернулись слезы. Она почти жалела, что вообще начала этот разговор. Но после стольких лет слепой веры в любовь мужа было тяжело признавать свою глупость.

Что бы ни было между нами раньше – все прошло.

Проглотив слезы, Клеа сунула ноги в туфли, а затем направилась к двери. Поравнявшись с Брэндом, она собрала остатки гордости и сказала:

– Прикрой дверь моего кабинета, когда будешь уходить, она сама захлопнется. Это важная для меня ночь, и я собираюсь отпраздновать свой успех.

Клеа проскользнула мимо него, стараясь не задеть.

А Брэнд даже не попытался ее остановить.

Глава 3

– Двойной бурбон со льдом. Ваш заказ?

На вопрос бармена Брэнд утвердительно кивнул и потянулся за стаканом с толстым дном, осторожно следя за толпой журналистов, проявлявших к нему повышенный интерес.

Первый глоток обжег горло, и Брэнд поморщился. За четыре года он забыл, как виски ударяет в голову. Взяв на барной стойке кувшинчик, Брэнд добавил в бурбон немного воды.

Держа в руке стакан, он удалился за колонну, увенчанную мраморной женской головой. Здесь, вдали от журналистов, Брэнд взглядом поискал свою жену. Он заметил ее в компании сенатора, его жены и известного организатора аукционов в области искусства.

Рассматривая Клеа, он пытался понять, почему до сих пор торчит здесь? Журналисты были готовы в любой момент наброситься на него словно хищники.

Вот Клеа рассмеялась. Брэнд замер и нахмурил брови. Она выглядела оживленной и счастливой – словно только что не было никакой бурной ссоры с мужем, которого она не видела четыре года. Как она свободно держится в компании влиятельных людей! Несомненно, Клеа стала более уравновешенной и опытной, чем была четыре года назад.

Его жена повзрослела. Он уехал от юной невесты, а вернулся к зрелой женщине. Брэнд снова пристально посмотрел на ее живот.

Беременной женщине.

Вот ее отец присоединился к компании. Брэнд нахмурился сильнее, когда сенатор с широкой улыбкой поприветствовал Доналда Томлинсона.

Когда они только познакомились, Клеа сказала, что Брэнд наверняка понравится ее отцу – у них так много общего! Доналд Томлинсон импортировал ковры, керамику, деревянную мебель и некоторые древние артефакты из Афганистана, Ирака и Турции для сети фешенебельных магазинов, которыми владел.

Но Брэнд уже после первого рукопожатия понял: Доналд Томлинсон его невзлюбил. А встреча с другом детства Клеа все расставила по местам – Гарри Холл-Льюис был именно тем мужчиной, которого Доналд выбрал в мужа своей дочери. Получивший образование в одном из элитных университетов, успешный предприниматель, с которым у ее отца были тесные деловые отношения, Гарри казался приветливым и беззаботным. Да и тот факт, что его родословную можно было проследить от первых переселенцев из Англии, тоже сыграл свою роль.

Бывший солдат частей специального назначения едва ли мог конкурировать с Гарри. Не помогли ни прекрасная репутация честного человека, ни быстро увеличивающееся состояние, основанное на постоянно растущей стоимости древних артефактов, которыми он занимался. Миллионы мало значили для Доналда – у него самого их было достаточно.

А когда Клеа предпочла поспешную свадьбу в Лас-Вегасе с солдатом, ставшим торговцем древностями, неприязнь Доналда переросла в откровенную вражду.

– Брэнд... это ты? Какая прелесть! Где же ты был?

Брэнд обернулся. Рядом стояла мать Клеа. Черные волосы, собранные в пучок, элегантное черное платье. На шее сверкали бриллианты.

Он встречал Кэролайн всего несколько раз. Единственный ребенок богатого предпринимателя, Кэролайн ушла от мужа, когда Клеа было десять лет, и вскоре после развода повторно вышла замуж. У ее нового мужа, успешного бизнесмена, была дочь одного возраста с Клеа и младший сын.

– Столько времени прошло. – Брэнд осторожно ее приобнял. После стольких лет без человеческого контакта этот жест ему самому показался непривычным. – Выглядишь прекрасно.

– Лыстец! – Кэролайн Фрейзер-Томлинсон-Гордон обняла его в ответ. – Не ожидал увидеть меня здесь? Ну конечно, меня же не пригласили! Мне хватило ума не приводить с собой мужа, но я так хотела увидеть выставку Клеопатры, что проскользнула внутрь. Швейцар сказал, будто у меня такие же глаза, как у Клеопатры, и не смог меня не пропустить. Я в восторге от выставки! Она проделала великолепную работу. Я так ею горжусь. – Изумрудные глаза Кэролайн мерцали от эмоций.

Решив не упоминать о том, что он тоже незванный гость, Брэнд мягко сказал:

– Тебя должны были пригласить.

Брэнд подозревал: отчуждение между Клеа и ее матерью причиняли его жене больше боли, чем та признавала. Клеа всегда страстно желала иметь большую семью и любила мать.

– Моя дочь никогда не простит меня за то, что я их бросила!

Брэнд передернул плечами. Что на это ответишь? Наконец он решился:

– Ты нужна ей, она просто пока этого не осознает. Дай ей время.

Он чуть повернул голову, услышав какой-то шум позади него. Боковым зрением Брэнд заметил журналиста, меняющего объектив камеры.

Он отвернулся. Афганистан, Ирак и другие горячие точки во время службы научили его правилам игры. В ракурсе со спины не было никакой прелести: операторы хотели видеть мучения в глазах своей жертвы.

Кэролайн тихо спросила:

– Клеопатра, должно быть, знает, что ты вернулся?

– Да. – Ответ Брэнда был кратким, так как он следил за последующими действиями фотографа.

Его теща похлопала его по рукаву смокинга:

– Брэнд, ты знаешь, дочь никогда не делилась со мной секретами, но я знаю: она ужасно по тебе скучала, когда ты... исчез. И то, как сильно она похудела, тому доказательство.

– Настолько, что забеременела? – буркнул Брэнд.

– Забеременела?... – Кэролайн оглядела фигуру дочери. – Кто? Клеопатра?

Брэнд окинул взглядом толпу. Фотограф исчез, но двое других уже готовили аппаратуру.

– Ага.

– Не может быть!

Он снова повернулся к матери Клеа:

– Уж поверь мне.

Кэролайн побледнела:

– Я даже не знала, что она с кем-то встречается. Хотя с чего бы Клеопатре говорить мне об этом? Мы не разговариваем.

Брэнд заметил рядом какое-то движение и затем увидел яркую вспышку. Он пригнулся и отступил еще дальше за колонну.

Еще одно движение. Брэнд напрягся. Он без сожаления готов был разбить объектив направленного на него фотоаппарата. Однако Клеа была бы против такого поведения. Ему пора уходить.

Но вместо фотографа из-за колонны на него внимательно смотрела Кэролайн. Брэнд сжал кулаки и выдавил из себя улыбку:

– Кажется, я могу стать причиной очередного переполоха. Мне нужно идти. Это вечер Клеа – главным должен быть безумный успех, а не скандал.

Кэролайн кивнула и заговорщически прошептала:

– С другой стороны колонны два журналиста – я их задержу. И поверь мне, между тобой и Клеа всегда было что-то особенное. Какими бы ни были проблемы, я уверена, вы их преодолеете.

Когда Брэнд уже шел к выходу, он желал быть настолько же уверенным в этом, как и Кэролайн. А еще он гадал, заметила ли она, что наконец назвала дочь Клеа?

Конечно, ее напускная бравада не продлилась долго.

Вид уходящего Брэнда заставил с таким трудом достигнутое самообладание ослабнуть. В окружении толпы дизайнерских бальных платьев, украшенных бисером и перьями, среди постоянно мелькающих подносов с шампанским, преследуемая нескончаемыми любопытными взглядами, связанными с неожиданным возвращением Брэнда, Клеа мечтала об одном – незаметно улизнуть с вечера.

Она хотела, чтобы Брэнд вернулся – тот Брэнд, за которого она вышла замуж, тот мужчина, которого она обожала.

Быть в его объятиях, лежать рядом, свернувшись клубочком. А больше всего ей хотелось, чтобы он признался ей в любви и пообещал, что отныне все будет хорошо...

И еще Клеа хотела знать, куда он ушел.

Но работа ждала. Так что она вернулась к делам – разговаривала, смеялась и говорила нужные вещи важным людям.

Час спустя ее отыскал отец. Его лицо приняло боевое выражение, которое она про себя называла «бульдожьим». Взяв стакан содовой с подноса проходившего мимо официанта, Клеа украдкой посмотрела вверх сверкающих пузырьков на быстро приближающегося отца. Она все бы отдала, лишь бы оказаться дома, забраться в кровать, которую когда-то делила с тем Брэндом и прокрутить в голове каждый миг болезненной встречи с его равнодушным и чужим двойником.

– У этой сволочи хватило наглости явиться сюда, после того как он бросил тебя!

– Тише, пап, давай не будем устраивать сцен. Доналд сбавил обороты:

– Вечер окончен – все расходятся. Клеа посмотрела по сторонам. В музее по-прежнему было много зевак.

– Так мы тоже можем уйти? – Она старалась говорить непринужденным голосом, беря отца под руку.

Внизу в фойе швейцар увидел, как они идут, и поднял телефонную трубку, чтобы вызвать ее водителя, Смиза. Клеа благодарно улыбнулась.

– Он рассказал, где был? – спросил ее отец, когда они вышли через стеклянные двери.

Не было необходимости спрашивать, кого он имеет в виду.

Клеа отвернулась, не желая, чтобы отец заметил ее смятение. Она покачала головой:

– Он не захотел говорить. Злитесь по поводу ребенка.

– Ты рассказала ему о ребенке?

Клеа тщательно подбирала слова:

– Он сам догадался, что я беременна.

– И он далеко не рад этому, насколько я понимаю. А ты чего ожидала? – Отец пытался отговорить ее от рождения ребенка, но Клеа уже приняла решение. – А я предупреждал тебя – это опрометчивое решение, и тебе не стоит так поступать. Но ты не хотела слушать. А сейчас оказывается, твое упрямство спасло положение.

– Папа... – Голос Клеа затих.

«Пожалуйста, пожалуйста, только не говори, что Брэнду не стоило возвращаться...» – молила она. Но ее отец уже продолжал:

– Тебе не стоило выходить замуж за этого человека. Это было ошибкой. Тебе стоило выйти замуж за Гарри – он из нашего круга.

«Нашего круга».

Именно поэтому отец был против Брэнда все те годы.

...Впервые Клеа столкнулась с Брэндом на аукционе, где тот рассматривал древнеримские монеты. Когда она была еще студенткой, отец устроил ее на подработку в музей. И сейчас Клеа поручили участвовать в торгах. Энтузиазм бил из нее ключом – пока Брэнд не предупредил ее, что монеты были подделками.

Высокий, красивый, сильный, Брэнд заинтриговал Клеа. Его доводы были убедительными, а знание дела – очевидным. Не зная, как поступить, Клеа сначала попробовала позвонить ассистенту куратора, затем Алану Дейли и, наконец, отцу, но все безуспешно.

Так что она решила не участвовать в торгах.

Потом Брэнд предложил угостить ее ланчем. Но Клеа должна была вернуться на работу и объяснить свое решение, поэтому она отказалась. Когда же Брэнд пригласил ее на ужин, Клеа была вне себя от радости.

К концу того длинного дня она окончательно пропала – влюбилась со всей отчаянностью, свойственной девятнадцатилетнему сердцу...

Доналд глубоко вздохнул, вернув дочь из грез в реальность.

– От этого человека были одни неприятности с самого начала.

– Как ты можешь так говорить?! – «Линкольн» гудел у тротуара, но Клеа словно не замечала машины. – Брэнд спас музей от покупки дорогих подделок в день нашей первой встречи.

– И уложил тебя в постель за неделю. – Доналд направился к машине.

Клеа последовала за отцом и забралась на заднее сиденье. Как только они оказались внутри, она сказала:

– Он женился на мне месяц спустя.

– Скоропалительный роман – совсем не то, чего ты заслуживала.

– Папа, это было именно то, чего я хотела!

Глаза защипало от слез. Клеа уставилась в окно, наблюдая, как огни города пролетают мимо, сливаясь в одно расплывчатое цветное пятно.

– Ты же не собираешься плакать из-за него? – отрезал Доналд. – Этот человек бросил тебя, изменил и ввязался в бог знает какую историю в Ираке. Тебе нужно избавиться от него.

Его бесчувственность заставила ее плечи напрячься.

– Я не уверена в этом.

– Ты видела фотографии молодой красивой женщины, которая не могла от него оторваться, постоянно была с ним. – Ее отец фыркнул от отвращения. – Какие еще тебе нужны доказательства? Обманывай себя сколько хочешь, но рано или поздно тебе придется взглянуть правде в глаза.

Острая боль, которая могла быть только ревностью, пронзила Клеа.

– Папа, эти же самые детективы сказали: Брэнд погиб в автокатастрофе, а местные жители подтвердили, что захоронили тело. В этом они тоже ошиблись?

Правда, сейчас Брэнд сам заставил ее сомневаться...

– Девочка моя... – Ее отец неловко положил свою ладонь на руку дочери. – Мне так жаль... Тебе приходится заново переживать эти страдания.

Она смахнула слезы в уголках глаз и шмыгнула:

– Это слезы счастья – Брэнд жив.

Но после разговора с Брэндом она подозревала: впереди их ожидает нелегкий путь.

– Что твоя мать делала в музее?

Голова Клеа шла кругом.

– А разве она была там? Я ее не видела.

– Ты ее не приглашала?

– Нет! Я бы никогда не сделала это, не обсудив с тобой.

Жесткая линия рта Доналда слегка смягчилась.

– Хорошо. Я попросил ее уйти.

Клеа поежилась. Остается надеяться: завтра все будет по-другому. У Брэнда будет возможность отойти от шока. Они поговорят. Она объяснит, почему ребенок для нее так важен.

И он поймет.

Клеа смотрела невидящим взглядом в ярко освещенную ночь. Впервые у нее промелькнула мысль: «А может, и не поймет...»

Глава 4

Следующим утром Брэнд направлялся к Музею античного искусства, кипя от злости. Он поднялся по лестнице, шагая через две ступеньки. Стеклопакетные двери, охраняющие крыло, где располагалась администрация, открылись перед ним.

В приемной никого не было. Так что Брэнд продолжил идти по коридору, пока сквозь стеклянную стену кабинета Клеа не увидел ее саму. Она разговаривала по телефону, что-то рисуя в блокноте. Ее алые, как ягоды, губы произносили слова, которые он не слышал.

Подозрение, болезненное и неприятное, промелькнуло в его голове.

Она разговаривает со своим любовником? Отцом ее еще не рожденного ребенка?

Брэнд взглянул внимательнее. Несмотря на соблазнительный цвет губ, он заметил отсутствие каких-либо кокетливых жестов и немного расслабился.

Значит, не с любовником...

Он открыл дверь. В тот же момент Клеа перевела взгляд на него, и в воздухе повисло напряжение.

– Мне надо идти, – пробормотала она в трубку. – Поговорим позже, милая.

Подруга. Ни одна женщина не назовет так своего любовника. Его недоверие исчезло, и он неторопливо начал рассматривать новый кабинет жены. Прошлой ночью Брэнд был слишком занят, чтобы заметить стену с книжными полками. Под полками на ковре были разбросаны открытые книги, что означало, что Клеа в спешке искала какую-то информацию. Было приятно осознавать: ее любознательная, импульсивная сторона характера никуда не делась.

Брэнд пересек комнату, пройдя мимо кресла к огромному окну. Он посмотрел вниз на внутренний двор, полный статуй. Посетители выходили из кофейен во дворик, некоторые усаживались на каменные скамейки, расположенные вдоль мощеных дорожек среди бронзовых богов и богинь.

– Очень мило, – выдал он комплимент.

– Спасибо. Я здесь уже три года и до сих пор ценю это.

Три года. Значит, продвижение по службе не такое уж новое. Да, значительную часть ее жизни он пропустил...

...Примерно три года назад его похитители забеспокоились. Автомобили приехали в лагерь глубокой ночью. Все собрались толпой что-то обсудить. Он слышал споры, голос Акама перекрывал все остальные. Несколько ночей спустя его разбудили и затолкали в машину на заднее сиденье, с конвоирами по обеим сторонам. Акам, как лидер группы, сел рядом с водителем с автоматом на коленях.

По дороге они не проезжали ни одного контрольно-пропускного пункта, ни одного блокпоста. Новый лагерь располагался дальше в пустыне, ближайший населенный пункт был в часе езды.

В последующие дни настроение Акама менялось все чаще, и Брэнд сделал вывод: любая надежда на побег или спасение становилась слабее. После этого они постоянно переезжали, но в этом было одно преимущество – его запирали только на ночь, когда другие спали. Днем ему было разрешено свободно перемещаться по лагерю. Это помогло Брэнду не потерять рассудок...

– Но я уверена, ты пришел не видом наслаждаться. Что ты здесь делаешь, Брэнд? – Голос Клеа прервал неприятные воспоминания о жаре, пыли и грязи.

Резко развернувшись, Брэнд сунул руки в карманы джинсов. Клеа встала, и он, прищурившись, смотрел, как она обошла стол.

– Я зашел в свою фирму – или туда, что когда-то было моей фирмой, – сегодня утром. – Брэнд сжал кулаки в карманах. – В офисе, который раньше был моим, теперь размещаются бухгалтеры. Где мой личный секретарь? Где мои сотрудники? – задавал он вопросы ровным тоном.

Клеа стояла неподвижно.

– Мне жаль, Брэнд. Мне пришлось распустить персонал. Фирма не могла работать без... тебя.

«Моя вероломная жена решила стереть все мои следы», – предположил Брэнд.

Глубоко внутри его вспыхнул гнев, прикрывая страх, овладевший им прошлой ночью. По крайней мере, гнев он мог контролировать. Чего он не мог себе позволить, так это показать свою слабость. У него были годы практики, чтобы научиться скрывать эмоции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.